
С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 327

КРИЗИС ВЕРЫ ИЛИ ВЕРА КРИЗИСА

Д. К. БЕЗНЮК¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Представлены некоторые показатели религиозности населения Беларуси по результатам социологических опросов 2017–2019 гг. Выделяются глобальные характеристики, на фоне которых происходит развитие религиозной ситуации, и раскрывается система факторов, характеризующих специфику религиозности в современной Беларуси. Предпринимается попытка прогноза изменения религиозности.

Ключевые слова: религия; религиозность; доверие; культура; современность; кризис; религиозная вера; секуляризация; пострелигия.

CRISIS OF FAITH OR FAITH OF CRISIS

D. K. BEZNIUK^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Some indicators of the religiosity of the population of Belarus according to the results of opinion polls 2017–2019 are presented. Global characteristics are distinguished against which the religious situation is developing, and a system of factors characterizing the specificity of religiosity in modern Belarus. An attempt is made to forecast a change in religiosity.

Keywords: religion; religiosity; confidence; culture modernity; a crisis; religious faith; secularization; post-religion.

Образец цитирования:

Безнюк ДК. Кризис веры или вера кризиса. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:124–128.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-124-128>

For citation:

Bezniuk DK. Crisis of faith or faith of crisis. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:124–128. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-124-128>

Автор:

Дмитрий Константинович Безнюк – доктор социологических наук, профессор; заместитель директора по научной работе.

Author:

Dmitry K. Bezniuk, doctor of science (sociology), full professor; deputy director for research.
mayo-r-r-r@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3546-3748>

Введение

Любые размышления о религии в контексте социальных кризисов (экономических, политических, эпидемических и пр.) всегда в той или иной форме содержат исследовательскую аксиому о теснейшей связи переживания кризисного явления с его религиозным восприятием (трактовкой). Обычно это отражается следующей формулой: в период кризисов наблюдается рост религиозности населения и активизация религиозной жизни. Религиозные деятели говорят о кризисе как о поводе задуматься над смыслом жизни, местом человека в системе мироздания, атеисты – о классическом проявлении иллюзорно-компенсаторной функции религии, которую так удачно подметил и раскрыл К. Маркс.

Ситуация периода второй трети XX – начала XXI в. продемонстрировала достаточно стремительную по историческим меркам картину радикальной религиозной перестройки: постиндустриальный мир настигла волна нетрадиционной религиозности, на смену политическому радикализму красных революционеров пришел религиозно-политический экстремизм, постсоциалистический мир так или иначе пережил «религиозный ренессанс», появились интуиции новой постсекулярной эпохи и рождения пострелигии.

Теперь социологу религии необходимо более тщательно, чем прежде, подходить к понятиям традиционного религиоведения и методам интерпретации данных.

Современная ситуация, в которой находится социолог, пытающийся диагностировать религиозность и зафиксировать кризис веры (секулярный тренд) или особенности веры в период кризисных явлений (постсекулярность, «религиозный ренессанс», новая религиозность и прочие понятия-диагнозы), отличается мультифакторностью и наличием нескольких, как представляется автору, важных фоновых характеристик. К последним следует отнести экономический кризис, трансформацию религиозного поля, цифровизацию (дигитализацию), эпидемиологическую ситуацию.

Разворачивающийся экономический кризис, который, по оценкам экспертов, будет провоцировать политический и социальный кризис, что максимально дестабилизирует привычный мир обывателя и потребует как его переоценки, так и практик приспособления к новым условиям. В 2015 г., после валютно-финансового кризиса 2014–2015 гг. в России, официальные представители многих религий и конфессий Российской Федерации – православной, мусульманской, иудаистской, буддийской – отметили рост числа прихожан и оживление религиозной жизни¹. Бизнес-аналитик Г. Вермишев

(издание «Деловой Петербург») замечает, что «кризис питает веру»: «Религия и биткоин – что между ними общего? А вот что: в кризис оба ресурса оказались востребованы, выяснили аналитики Qrator Labs. Впереди... мощнейший экономический кризис столетия, так что все средства хороши. Правда, информацию о Боге ищут все-таки чаще. Трафик на религиозных сайтах вырос минимум на 30 %, тогда как криптобиржи фиксируют прирост в среднем на 5,5 %» [1].

Наблюдается трансформация самого религиозного поля, что хорошо отражено в дискуссии о пострелигии как той форме, в которую перетекает привычная нам религия и религиозность. Предложенный Ю. Хабермасом концепт «постсекулярное общество» [2] спровоцировал интерес к современному состоянию религии и ее статусу в обществе позднего модерна и постмодерна. Если религия трансформируется, то преобразовывается и ее носитель, его мир и ценности. Каковы тогда драйверы этого процесса, какова их природа относительно религиозного?

Набирающая темпы цифровизация изменяет социальные и культурные практики, в том числе и религиозные. Здесь стоит отдавать себе отчет и в том, что агенты этих практик изменяют под них и свое сознание (логические схемы, ценностные масштабы и пр.). Цифровизация меняет восприятие религии и техники потребления религиозного продукта. Отсюда закономерный вопрос: «А меняется ли в таком случае сама религия и ее презентации в частном и публичном пространстве?»

Инфекционное заболевание COVID-19 запустило классическую для всех эпидемий ситуацию страха, сомнения, озлобленности и других состояний, которые, как показывает практика и что мы отметили выше, будут иметь последствия в религиозной жизни человека и общества. Экономический кризис, усугубленный эпидемией коронавируса, ломает все алгоритмы логики современного общества потребления. Ректор Саратовской православной духовной семинарии митрополит Лонгин (В. Корчагин) в 2016 г. отмечал, что уровень напряжения и тревоги в обществе «очень высок, и тому много причин, в том числе та же психология потребления. Есть старое, но верное изречение: “Революцию делают не голодные, а сытые, которых некоторое время не кормили”. Когда в налаженной пищевой цепочке потребителя появляются бреши, пробоины, возникают злоба и страшная зависть друг к другу. А это очень плохо... Остроты ситуации добавляет кризис, который мы сейчас переживаем. Не совсем понятные перспективы (не только эко-

¹Как религия спасает россиян от экономического кризиса? [Электронный ресурс]. 2020 URL: <https://nsn.fm/society/society-religiya-spaset-rossiyan-ot-krizisa> (дата обращения: 20.04.2020) ; В кризис россияне стали более религиозными [Электронный ресурс]. 2020 URL: <https://iz.ru/news/590400> (дата обращения: 20.04.2020).

номические, но и политические), существующее положение в мире – все это действует на человека... Все беды, проблемы, несчастья, посещающие нас, – результат нашей недолгой жизни» [3].

Указанные характеристики создают своеобразный исторический фон, на котором действует ряд конкретных факторов. Их совокупность (при экспликации и анализе) дает социологу возможность диагностировать наличное состояние религиозности и религиозной жизни как таковой.

Прежде чем перейти к этим факторам, отметим общие характеристики религиозного поля Беларуси, в первую очередь обращаясь к данным по религиозности населения республики и ее особенностям.

По результатам летнего мониторинга 2019 г. на вопрос: «Считаете ли вы себя верующим челове-

ком?» – 65,9 % опрошенных ответили «да» и «скорее да» (эта цифра практически совпадает с данными за 2017 г. – 66,89 %). Наибольший процент верующих зафиксирован в Гродненской и Брестской областях – 48,5 и 41,9 %, наименьший – в Витебской и Могилёвской – 13,9 и 23,4 % соответственно. Эти данные подтверждают исторически сложившуюся схему религиозной географии Беларуси с преобладанием верующего населения в западных областях республики.

На этот же вопрос 22,4 % опрошенных ответили «нет» и «скорее нет» (в 2017 г. – 21,84 %). Наибольший процент неверующих показал г. Минск – 34,2 %.

Конфессиональный спектр населения Республики Беларусь представлен в табл. 1.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«К какой религии (конфессии) вы себя относите?», %**

Table 1

**Distribution of answers to the question:
«Which religion (denomination) do you attribute yourself to?», %**

Религия (конфессия)	Год	
	2017	2019
Православие	74,66	76,6
Католицизм	12,24	10,6
Протестантизм	0,48	0,6
Иудаизм	0,12	0,6
Ислам	0,10	0,1
Другое	–	1,2
Ни к какой	9,84	9,2

В сфере религиозных практик сохраняется уже ставшая стандартной ситуация секулярного верующего: наибольшее число респондентов посещают храм (культовое помещение) «от случая к случаю» и «по религиозным праздникам, значимым датам» – 31,4 и 31,0 % соответственно. Практически каждый день бывают в храме 1,5 % опрошенных, никогда – 17,1 %.

Никогда не участвовали в евхаристии (причастии), коллективных религиозных действиях, не соблюдали постов, не читали религиозных текстов более половины опрошенных: 56,7, 56,3, 57,7 и 61,5 % соответственно.

Если говорить о культовом поведении жителей нашей страны и мировоззренческой базе, которая его как бы легитимирует, то следует отметить два мало сопрягаемых факта.

Первый заключается в достаточно прозрачной и прямо пропорциональной связи между культовой практикой и пониманием ее важности (необходимости) для верующего. Так, 67,8 % опрошенных на вопрос: «Допускаете ли Вы, что можно быть

верующим, но не участвовать в церковных практиках?» – ответили «да» и «скорее да».

Второй факт, уже парадоксальный: столь незначительные показатели культовой активности как в целом, так и по конкретным формам (молитва, пост, чтение литературы и пр.) слабо коррелируют с пониманием того, что является «наиболее важным для верующего»:

- 1) молиться (58,7 %);
- 2) пройти обряд посвящения в религию (37,6 %);
- 3) соблюдать религиозные обряды и праздники (34,2 %);
- 4) исповедоваться и причащаться (31,5 %).

Эти и подобные цифры следует понимать и анализировать относительно того, что мы выше обозначили как факторы религиозности. Базовым из них выступает специфическое восприятие религии ее носителем или характер потребления религии субъектом.

Восприятие религии может разительно отличаться у различных людей, называющих себя верующими и идентифицирующих себя как при-

верженцев определенного вероучения. Речь идет о том, что для одного верующего религия есть вера и культ в традиционном смысле², для другого она выступает в форме культурно-исторической традиции, основой групповой идентичности [4], признаком принадлежности к конкретному сообществу (этническому, культурному и пр.), для третьих – особым видом знания, в рамках которого человек ищет когнитивного комфорта. Можно выделить, как показывают опросы, группу верующих, для которых религия – психотерапевтический комплекс, способствующий утешению и душевному комфорту. К другой группе относятся верующие, обращающиеся к религии как к политической идеологии, силе, мотивирующей и легализирующей комплекс нерелигиозных действий.

Опираясь на результаты зарубежных и отечественных исследований, можно выделить достаточно широкий спектр причин такого разнообразия – от пола, места жительства и образования верующих до экономических и политических деприваций. Однако непреложным остается факт: конкретное восприятие религии верующим продуцирует схемы (рациональные, эмоциональные, практические и др.) ее проживания адептом, соучастия и презентации ее в индивидуальном и коллективном бытии.

Важным фактором проживания религии и показателем ее присутствия в жизни человека и культурном пространстве выступает, например, восприятие религиозного праздника как необходимого и важного события. Так, по результатам опроса, проведенного в мае 2019 г., в десятку наиболее значимых для жителей Беларуси праздников и памятных дней вошли:

- Пасха (64,03 % верующих православной конфессии);
- Рождество Христово (55,37 % верующих православной конфессии);
- Радуница (40,02 %);

- Троица (20,58 %).

Обратим внимание, что из топ-10 праздников и памятных дней религиозными оказались 4 (почти половина).

О важном месте и роли религии в жизни человека свидетельствует и ее положение (результаты представлены на основе ценностного ранжирования). Отвечая на вопрос: «Что для Вас в жизни является наиболее важным?», – каждый пятый опрошенный (20,57 %) отметил: «Вера». В списке из 23 предложенных респондентам ценностей религия оказалась на 10-м месте.

Дополнить «ценностный рейтинг» религии можно анализом ситуации, когда религия становится основой индивидуальной или групповой идентичности. Эта тема достаточно широко дискутируется в рамках обсуждения успешности/неуспешности глобализационных проектов современности. Во время опроса, проведенного в сентябре 2018 г., респондентам был задан вопрос: «С какой социальной общностью Вы в первую очередь себя соотносите?» относительно варианта «С людьми моего вероисповедания» ответы распределились следующим образом:

- в значительной степени – 11,7 %;
- в умеренной степени – 27,0 %;
- в незначительной степени – 24,8 %;
- затрудняюсь ответить – 31,6 %.

Еще одним важным показателем, свидетельствующим о статусе религии (в данном случае в виде формальной организации – церкви) в социальной системе, выступает индекс доверия (от –1 до +1) к ней со стороны населения: в августе 2019 г. из предложенных 20 институтов респонденты наивысшее доверие испытывали к православной церкви (0,360). У католической и протестантской церкви индексы составляют 0,039 и –0,167 соответственно. Процентное соотношение данных показателей представлены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Доверяете ли Вы церкви?», %

Table 2

Distribution of answers to the question: «Do you trust the church?», %

Церковь	Варианты ответа		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Православная	53,46	17,75	27,89
Католическая	29,87	26,02	42,23
Протестантская	17,25	33,60	47,28

²Здесь следует обратить внимание на то, что в данном случае сам традиционный смысл веры и культа может варьироваться в восприятии верующего в широких пределах: от канонического понимания до личностного. Автор был свидетелем того, как православный священник отказал молодой женщине в крещении, так как этим актом она хотела избавиться от «сглаза и венца безбрачия», то есть продемонстрировала понимание христианской религии (в форме акта крещения) как акта чисто магического, колдовского.

С аспектом доверия связан, хотя и парадоксально, фактор (назовем его практическим, или прикладным), применения религии в жизненных ситуациях. Уже родоначальники социологии (О. Конт, Г. Спенсер) и классики социологии религии (Э. Дюркгейм и его последователи, К. Маркс, Г. Зиммель), проясняя систему социальных функций религии, обращали внимание не только на сегмент веры и культа (теопраксии), но и на сегмент социально-прикладной, когда религия «работает» в светской, профанной среде.

Из 18 ресурсов решения жизненных проблем, которые предложили респондентам, религия, с индексом 0,515, оказалась в середине (на 10-м месте), опередив такие варианты ответов, как хорошее образование, наличие собственности, престиж профессии и занимаемую должность, однако уступив в популярности семье, жизненному опыту, деньгам

и друзьям, – видимо, как отмечают многие, когда перестают помогать эти ресурсы, тогда человек начинает прибегать к Богу.

На вопрос: «Помогает ли Вам религия справиться с жизненными проблемами?» – ответы в процентном отношении распределились так:

- помогает во всех ситуациях – 20,63 %;
- помогает в большинстве ситуаций – 16,82 %;
- помогает только в некоторых ситуациях – 21,02 %;
- не помогает вообще – 16,31 %;
- затруднились ответить – 21,58 %.

В рамках прикладного фактора следует указать на организационно-деятельностную активность респондентов. В этом случае мы опять сталкиваемся с ситуацией секулярного верующего: только 2,6 % опрошенных участвуют в деятельности каких-либо религиозных организаций.

Заключение

Из указанной в названии данного материала дихотомии *кризис веры или вера кризиса* относительно религиозной ситуации в Беларуси, скорее всего, следует выбрать второй сюжет: достаточно традиционная отечественная культура и ориентация на консервативные (по сути своей христианские) ценности позволяют говорить о специфической стабильности религиозной жизни страны. Наибольшее возмущение (расшатывание) религиозности можно ожидать, как представляется автору, на трех направлениях:

1) молодежь, которая выступает резервом религиозного населения, но по-своему будет понимать религию, культ, личную религиозность. Надо указать и на традиционно низкий уровень религи-

озности молодежи, в связи с чем нет никакой гарантии, что в будущем она обретет веру и сменит уходящее поколение верующих;

2) возможный кризис так называемой институциональной религии (официальных церквей), который может быть как причиной, так и следствием более обширных исторических изменений;

3) «мечта атеиста» (наименее вероятное направление) – появление реальной культурной альтернативы религиозному мировоззрению, если не в перспективе полного вытеснения, то хотя бы в плане его радикальной трансформации до какой-нибудь полупрофилософской, полупсихологической экзистенциальной схемы.

Библиографические ссылки

1. Вермишев Г. «С верой в Бога и биткойн»: кризис вернул интерес к религии и криптовалютам [Интернет]. 2020 [процитировано 20 апреля 2020 г.]. Доступно по: https://www.dp.ru/a/2020/04/15/Na_sudnij_den.
2. Хабермас Ю. Постсекулярное общество – что это? *Российская философская газета*. 2008;4:1.
3. Кязимова Н. Кто управляет миром? О чем стоит задуматься в кризис? [Интернет]. 2020 [процитировано 20 апреля 2020 г.]. Доступно по: https://saratov.aif.ru/society/religion/kto_upravlyaet_mirom_o_chyom_stoit_zadumatsya_v_krizis.
4. Лункин Р. Религия и кризис европейской идентичности: политические подходы. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018;4:205–211. DOI: 10.15211/vestnikieran42018205211.

References

1. Vermishev G. «With faith in God and bitcoin»: the crisis returned interest in religion and cryptocurrencies. [Internet]. 2020 [cited 20 April 20]. Available from: https://www.dp.ru/a/2020/04/15/Na_sudnij_den. Russian.
2. Habermas J. [Postsecular society – what is it?]. *Rossiiskaya filosofskaya gazeta*. 2008;4:1. Russian.
3. Kyzimova N. Who rules the world? What is worth considering in a crisis? [Internet]. 2020 [cited 20 April 20]. Available from: https://saratov.aif.ru/society/religion/kto_upravlyaet_mirom_o_chyom_stoit_zadumatsya_v_krizis. Russian.
4. Lunkin R. Religion and the crisis of European identity: the political approaches. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2018;4:205–211. Russian. DOI: 10.15211/vestnikieran42018205211.

Статья поступила в редакцию 01.05.2020.
Received by editorial board 01.05.2020.

Р. С. Нашему постоянному автору и члену редакционной коллегии Дмитрию Константиновичу Безнюку 2 июля исполнилось 50 лет. Его талант, человеческая доброта и отзывчивость, искрометное чувство юмора снискали ему заслуженный авторитет и уважение среди коллег и студентов. Совсем недавно Д. К. Безнюк от преподавания социологии управления перешел к практическому освоению этого нелегкого искусства работы с людьми, вступив в должность заместителя директора по научной работе Института социологии НАН Беларуси. Здоровья Вам, Дмитрий Константинович, и успехов на новом поприще!

Редколлегия